

УДК 291.11

АРХИТЕКТУРНО-ЛАНДШАФТНОЕ НАПОЛНЕНИЕ ПРОСТРАНСТВ БЫТИЯ

В.В. Федоров, А.В. Левиков

ФГБОУ ВПО «Тверской государственной технический университет», г. Тверь

Социальное бытие объединяет составляющие искусственной природы и деятельность человека, оно имеет характерные черты, выражающиеся в конкретных архитектурно-ландшафтных условиях. Феномен архитектурной среды образован множеством рукотворных объектов, утилитарных и наделенных ценностно-смысловым содержанием. Естественная форма его существования – архитектурный текст.

***Ключевые слова:** социальное бытие, архитектурная среда, архитектурный текст.*

Современный взгляд на место индивида и социального субъекта в мире предполагает использование комплексной модели мировосприятия, включая пространственный аспект. Социальное бытие объединяет все составляющие искусственной природы и жизнеобеспечивающей деятельности, в нем всегда присутствуют объекты рукотворной реальности различных уровней. Но если проблема бытия индивида осознается прежде всего в терминах адаптации, наращивания потенциала, то пространство социального бытия должно быть осмыслено в ракурсе взаимодействия и пространственного соположения.

Социальное бытие объединяет людей среди прочего и в самом очевидном пространственном отношении, оно обязательно имеет уникальные пространственные черты, выражающиеся в конкретных природно-географических и архитектурно-ландшафтных условиях. Люди всегда живут в определенном пространстве, где, собственно, и протекает социальная жизнь.

Материальное наполнение пространств социального бытия предстает как среда архитектурно-ландшафтная, включающая здания, сооружения и природные (модифицированные техническими средствами) объекты. Человеческое сообщество на протяжении веков не только создаёт условия для безопасной жизнедеятельности, но и безостановочно наделяет «вторую природу» все новым ценностно-смысловым содержанием. В итоге возникает феномен архитектурной среды – совокупность компонентов (нечетких множеств), основанием для выделения которых являются время и место создания, стилевая принадлежность, масштаб, назначение, функциональное или техническое состояние и пр.

В таком ракурсе архитектурная среда наделяется смыслом и переводится в разряд знаковых категорий. Древние культуры нередко использовали предметно-пространственное наполнение пространств социального бытия (начиная с менгиров, дольменов, кромлехов и т. д.) для

передачи знаний о культурных ритуалах и устройстве мира. Поэтому архитектура как знаковая система всегда имеет мифосимволическую составляющую [6]. Например, большой массив информации запечатлен в самой форме плана здания или архитектурного ансамбля, в соотношении объемов, композиции, ориентации по странам света, в цвете, организации освещения внутреннего объема и пр.

Информационные потоки в структуре семиосферы носят характер диалога между субъектами и объектами, авторами и адресатами и даже между языками высказывания. При этом для архитектурной среды характерно чередование динамических процессов и периодов канонизации (в самой примитивной трактовке – смена архитектурных стилей и направлений). В современном понимании предметом семиотики архитектурной среды является исследование специфических пространственных средств смыслообразования и смысловыражения, а также выявление общих закономерностей структурной организации архитектурных пространств и форм со своими значениями и содержанием.

Определяя архитектурную среду как объект исследования, оговоримся, что его состав не может быть задан априори, но формируется в процессе изучения (обычно волевым выбором в соответствии с избранным аспектом) [2]. Мы оперируем не отдельными группами ее качеств, а их совокупностью, организованной в некое пространственно-временное образование – архитектурный текст. Несмотря на всю систематичность исследований и стремление к однозначности определений, множество возможных (и даже взаимодействующих) методов исследований приводит к неоднозначности как отношений между частью (архитектурной средой) и целым (пространством социального бытия), так и их интерпретаций. Философский взгляд на архитектурную среду позволяет обобщить разнородные сведения, превращая их в основание некоторой теории в соответствии с особенностями базовой концепции.

Архитектурная среда тесно связана с другими составляющими жизненной среды, обусловлена ими, что, впрочем, далеко не всегда обеспечивает их единство. Особенности проектирования и опредмечивания замысла, нестыковка предпочтений архитекторов и социума, меняющийся социокультурный контекст обеспечивают непрерывный процесс разобщения и нового упорядочения в системе «архитектурная среда – жизненная среда – пространство социального бытия».

Существование архитектурной среды обусловлено взаимосвязью и взаимообусловленностью ее компонентов, поэтому город как пространство социального бытия представляет собой сложно организованную совокупность сообщений, гипертекст или «котел текстов» (Ю.М. Лотман). Тексты эти написаны в разное время, разными языками, имеют более поздние вкрапления, подчистки, исправления и т. д. Используя различные коды прочтения, выбирая ближние и дальние про-

пространственно-временные планы, субъект восприятия извлекает из всего этого множество смыслов и ценностей [7].

Например, с удаленной точки зрения фиксируется лишь абрис и композиционное решение застройки, а включенное восприятие, напротив, акцентирует социальное наполнение, житейскую суету. Соответственно обращаясь к феномену архитектурной среды, мы сталкиваемся с задачей разведения собственно архитектурного текста, контекста и дискурса.

1. Архитектурный текст. Представление об архитектуре как тексте (по выражению В. Гюго, о «чтении, одной за другой, мраморных букв алфавита, гранитных страниц книги») имеет многовековую традицию. Понимая архитектурный текст как организованный на основе функциональных взаимосвязей, композиционно завершённый фрагмент среды предметно-пространственного окружения, содержательно объединяющий здания и сооружения в некое целое, выделим его характерные черты. Такой текст 1) состоит из архитектурных и модифицированных природных объектов; 2) обладает связностью и цельностью; 3) «вплетён во множество разных деятельностей и существует как текст лишь благодаря тому, что имеет определенные функции в этих деятельностях» [5, с. 24–32].

Теория архитектуры устанавливает, в общем-то, ограниченное количество типов объектов и вариантов взаиморасположения («персонажей и событий») в структуре архитектурного текста. Признаками его связности являются: а) визуальное единство (следствие стилевого родства, схожести цветоцветового решения фасадов, сомасштабности объемных решений и пр.); б) взаимосвязь функциональных решений. Черты связности иногда задаются интенцией зодчих, а чаще возникают естественным образом как следствие цельности архитектурного текста.

Всякий текст имеет автора (авторов), но для архитектуры его осуществление может длиться очень продолжительный срок: годы, десятилетия, а в исключительных случаях (например, возведение соборов) и столетия. Поэтому прочтение архитектурных текстов обычно не соотносится с авторством, исключая случай архитектуроведческого анализа. Как система знаков он обладает общей логикой всех знаковых систем, а значит, может быть переведен на другие знаковые системы с определенными ограничениями, поскольку существует на пересечении двух сознаний – создателя и интерпретатора. Конечно, существует некое константное «смысловое ядро» (производное от архетипов и традиционных символов), но индивидуальный смысл архитектурного текста проявляется в зависимости от психофизиологии, жизненного опыта, сиюминутного настроения субъекта восприятия и пр.

Возможны два типа архитектурных текстов: 1) микротекст (фрагмент текста более высокого порядка) – отдельное здание/сооружение и 2) макротекст как ансамбль, комплекс зданий (вплоть до мысленно обозримого поселения и даже системы расселения). Композиционное деление макротекста на микротексты во многом связано с

авторским замыслом (например, наличие архитектурных доминант в застройке не препятствует проявлению общих закономерностей формирования архитектурного текста). Каждому из типов будут свойственны определенные задачи исследования, вытекающие из особенностей структурно-семантической и коммуникативно-смысловой организации текста. Речь идет об особых его единицах, объединенных разными типами логической, стилистической, функциональной связи, имеющих разную прагматическую установку. Для здания – объемно-планировочное решение, конструктивная система и ее элементы, их взаимосвязь и т. д. Для архитектурного ансамбля – планировочная организация, сомасштабность, стилевое единство и пр.

Не обсуждая критерии функциональности, эстетичности и некоторые другие, априори являющиеся атрибутами архитектуры как сферы профессиональной деятельности, отметим, что для архитектурных текстов не менее важны информационно-структурные закономерности построения: 1) логичность, 2) связность и целостность, 3) доступность.

Логичность архитектурного текста означает, главным образом, непротиворечивость организации анализируемых параметров (например, количество, размеры и расположение оконных проемов для микротекста или функционально обоснованное расположение элементов макротекста). Иногда логика архитектора неочевидна для обывателя, более того – кажется абсурдной, но, возможно, он преследовал вполне определенную цель – привлечь внимание, сломать стереотипы.

Соответственно такие ключевые признаки архитектурного текста, как *связность и целостность* отражают его структурно-содержательную сущность, целесообразность построения. Знаки текста постепенно и последовательно развёртывают тему (смысловое ядро), мысль или эмоцию. Локальная связность архитектурного текста – читаемая взаимосвязь последовательности признаков или объектов. Она проявляется внешне как формальная зависимость компонентов текста. Общая связанность обеспечивает единство текста как смыслового целого, проявляется через ключевые признаки/объекты, объединяющие текст в целое.

Целостность архитектурного текста определяется как общая связь его компонентов на содержательном уровне (скажем, это именно жилой или промышленный комплекс). То есть архитектурный текст уже состоялся, если он обладает структурной связностью и содержательной целостностью.

Критерий доступности ориентирован исключительно на адресата (например, «бумажная» архитектура для профессионалов, массовая застройка – для широкой публики). Речь идет о возможности донести смысл, преодолевая все препятствия на пути информационного потока. Впрочем, недоступность (неясность, непонятность) также может быть и преднамеренной, когда она служит характерологическим приемом, предусмотрена архитектором.

2. *Архитектурный контекст.* Пространственно-временной масштаб архитектурного текста (обладающего уровневой организацией, конечным числом составляющих и правил их комбинирования) заставляет говорить о роли обрамляющего текста – контекста. Архитектурная среда не может быть однородной: «структурно-функциональная неоднородность составляет сущность ее природы. Из этого вытекает, что архитектурное пространство – всегда ансамбль... органическое целое, в котором разнообразные и самодостаточные единицы выступают в качестве элементов некоего единства более высокого порядка: оставаясь целым, делаются частями; оставаясь разными, делаются сходными» [1, с. 676–683].

Архитектурный текст, изъятый из контекста, по мнению Ю.М. Лотмана, равен самому себе и не способен генерировать новые информационные потоки. Однако отделение текста от контекста возможно лишь умозрительно. Всякий сложный текст 1) создает вокруг себя «контекстную ауру» и, одновременно, 2) вступает в отношения с культурным контекстом аудитории. Кроме того, архитектурный текст сам по себе может рассматриваться как система субтекстов, для которых он выступает в качестве контекста, где и происходит смыслообразование.

Меняющийся социокультурный контекст способен самым радикальным образом изменить смысл архитектурного текста (пример – мемориальный комплекс, включая Мавзолей В.И. Ленина, на Красной площади в Москве). Возможно тождество двух архитектурных (типовых) объектов, но исключена конгруэнтность архитектурных текстов уже хотя бы в силу быстрого наполнения архитектурного пространства дискурсивными маркерами (например, малыми формами, функциональными элементами) и возникновения различающихся контекстов.

Значения и смыслы архитектурного текста появляются в процессе социальной жизни, не являются атрибутом ни текста, ни «читателей». И смена контекста может означать смену системы значений (вполне абсурдный пример – средневековый замок, купленный в Великобритании, разобранный, перевезенный в США и вновь собранный в ином контексте).

Итак, во-первых, наличие архитектурного контекста не позволяет рассматривать архитектурный текст как инвариантно-статичную замкнутую структуру. Во-вторых, мнение горожан об архитектурном тексте и трактовки зависят от результатов его соотнесения с контекстом. Именно контекст нередко вносит поправки в процесс «прочтения» архитектурного текста, а иногда и «написания». Архитектурный контекст задает новое пространственно-временное измерение архитектурного текста, тем самым позволяет говорить об историчности самого текста, а равно – практик работы с ним.

3. *Архитектурный дискурс.* Понимание важности взаимодействия субъекта восприятия с архитектурной средой приближает нас к архитектурному дискурсу как сложному коммуникативному явлению, многоуровневой иерархии знаний, включающей помимо архитектурно-

го текста еще и такие факторы, как знания о мире, мнения, установки, цели субъекта восприятия и пр., необходимые для понимания разных типов архитектурных пространств. Переосмысление архитектурного текста как коммуникативного процесса, собственно, и приводит к дискурсивному анализу. Решающим условием возникновения архитектурного дискурса оказывается особая среда, семантика и прагматика которой влияет на процесс восприятия, понимания, коммуникации и пр.

Несмотря на все разночтения в понимании терминов «архитектурный текст» и «архитектурный дискурс», общим является представление, что «текст – это результат деятельности, а дискурс – текст плюс деятельность» (прежде всего, по опредмечиванию и распредмечиванию среды предметно-пространственного окружения) [3, с. 34–55]. В конечном итоге мы понимаем архитектурный текст не просто как объект, а объект воспринимаемый и интерпретируемый, объект, за которым можно увидеть протекание архитектурного дискурса. Его системообразующими признаками будут: 1) цель конструирования и реализации дискурса, 2) особенности взаимодействия субъекта восприятия и архитектурного текста.

В общем случае субъект восприятия архитектурного текста сознает себя как «субъективную целостность». В силу этого перцептивное отношение исключительно субъективно, да и образ восприятия в структуре сознания может иметь разную меру осмысленности. Целостный, сознательный и осмысленный образ является результатом взаимодействия между непосредственным чувственным восприятием и понятийным мышлением в структуре сознания. Он формируется из непосредственного чувственного впечатления и выражающего опыт конкретного субъекта некоего субъективного дополнения (преобразовывающего впечатление, субъективно «проявляющего» воспринятый образ, осмысливая и дополняя его). Эмоционально-эстетический и социально-символический планы ассоциативно-образного уровня восприятия очень тесно переплетены, хотя и реализуют свой собственный спектр функций.

Разделение ассоциативно-образного уровня восприятия на два плана может быть соотнесено с интерпретационными подходами к архитектурной среде как а) предметно-пространственному окружению в его чувственно данных компонентах и б) окружению человека в сугубо социальном плане. В первом случае мы имеем дело с «художественным» видением городской среды, воспринимаемой как «картина», и тогда такой текст легко поддается формальному анализу. Во втором – речь идет о распредмечивании объекта восприятия (в результате которого рождается образ пространства) и уже не столько об «изучении», сколько о «понимании» архитектурного текста конкретным субъектом [4].

В рамках дискурсивного подхода состояние присущности архитектурного пространства социуму обусловлено не только физическими параметрами текста, но и возможностью понимания/присвоения значе-

ний, а следовательно, возможностью развития творческой и социальной активности. В конечном итоге анализ дискурса должен помочь понять, как интерпретируется архитектурная среда. Поэтому важны не только ее внутренние свойства (какими знаками, когда и по каким правилам она сформирована), но и выяснение места архитектурной среды в социокультурном контексте.

Список литературы

1. Лотман Ю.М. Архитектура в контексте культуры // Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб., 2000. С. 676–682.
2. Брумфилд У. От Парижа до Санкт-Петербурга. Понимание архитектуры как исторического текста в XIX веке // Слово/Word. 2006. № 52.
3. Демьянков В.З. Текст и дискурс как термины и слова обыденного языка // Язык. Личность. Текст: сб. ст. к 70-летию Т.М. Николаевой. Ин-т славяноведения РАНН /отв. ред. В.Н. Топоров. М.: Языки славянских культур, 2005. М., 2005. С. 34–55.
4. Карасик В.И., Прохвачева О.Г., Зубкова Я.В., Грабарова Э.В. Иная ментальность. М.: Гнозис, 2005. 352 с.
5. Тарасов Е.Ф., Соснова М.Л. О формах существования текстов // Общение: цели, мотивы, средства. М., 1985. С. 30–44.
6. Федоров В.В., Коваль И.М. Мифосимволизм архитектуры. М., 2009.
7. Федоров В.В., Овчарова А.Ж. Феномен города: ценностно-смысловой аспект. Саарбрюкен, 2012.

LANDSCAPE ARCHITECTURAL FILLING SPACES SOCIAL LIFE

V.V. Fedorov, A.V. Levikov

Tver State Technical University, Tver

Social being combines components of artificial nature and human activities, it has characteristics which are expressed in the specific architectural and landscape conditions. The phenomenon of the architectural environment is constituted by the multitude of man-made objects, utilitarian and endowed with axiological properties. Architectural text is the natural form of its existence.

Keywords: *social being, the architectural environment, architectural text.*

Об авторах:

ФЕДОРОВ Виктор Владимирович – доктор культурологии, профессор, зав. кафедрой гражданского проектирования и архитектуры ФГБОУ ВПО «Тверской государственной технической университет», Тверь. E-mail: vvf322@yandex.ru

ЛЕВИКОВ Александр Валерьевич – аспирант кафедры гражданского проектирования и архитектуры ФГБОУ ВПО «Тверской государственный технический университет», Тверь. E-mail: levikov@yandex.ru

Author's information:

FEDOROV Viktor Vladimirovich– Ph.D, Prof., Head of the Dept. of Civil Engineering of Tver State Technical University, Tver. E-mail: vvf322@yandex.ru

LEVIKOV Alexandr Valerjevich– Ph.D. student of the Dept. of Psychology and Philosophy of Tver State Technical University, Tver. E-mail: levikov@yandex.ru